

Михаил ХИЛЬКО

Вехи моей жизни

(Продолжение. Начало в № 46 от 23.11.2017 г.)

Институт

Окончив школу в 1954 году, я мог продолжить обучение только там, где была высокая стипендия. Поэтому я выбрал Уральский политехнический институт имени С.М.Кирова (УПИ) в городе Свердловске.

Пройдя собеседование, поступил на кафедру тяжёлых цветных металлов.

Поскольку отец был ещё в то время жив, а места представлялись только тем, у кого не было обоих родителей, мне пришлось первые полтора года жить в частном секторе, который снимал институт. В Пионерском посёлке, недалеко от института.

Хотя стипендия у меня была самой высокой в институте (первый курс – 395 рублей, второй – 425, третий – 450, четвёртый – 485 и пятый – 495), этих денег хватало только на пропитание. Поэтому первые полтора-два года я проходил в институте в обыкновенной телогрейке и солдатской шапке со следом от звезды. А когда переехал в общежитие, вынужден был работать на разгрузке вагонов Шарташских овощных баз и на железнодорожном вокзале. У нас была сплочённая команда нуждающихся крепких парней под руководством бывшего старшины Выприцких. Он уже отслужил армию и был старше нас. В бригаде была железная дисциплина. В любое время года, суток, отменяя все дела и пропуская все занятия, кроме специальных дисциплин, мы шли разгружать вагоны. Работа была сдельной и сразу оплачиваемой, праздничные дни – в двойном размере. Разгружали цемент, уголь, арбузы, сахар, вино, овощи, рыбу в ящиках. Выматывались до последних сил, работали без перерыва. Мы даже установили рекорд баз, выгрузив пультман с сахаром из Кубы – 60 тонн. Пятеро человек носили мешки из вагона на склад, расположенный в пятидесяти метрах от вагона, и один подтаскивал мешки к двери. Мы затратили всего 45 минут. Каждый мешок весил 100 килограммов. Но таких «чистых» грузов было очень мало.

Заработав необходимые деньги, я смог скромно себя одеть.

Кроме того, я занимался спортом – лыжами, входил во вторую сборную института, а также греблей на морских шлюпках (ялах). По гребле мы занимали три года первое место по городу Свердловску. Занятия проводились на пруду ВИЗА (Верх-Исетского завода).

И все годы учёбы пел в академическом хоре института – а капелла, который состоял из 100 человек. Коллектив под руководством Рождественского пользовался большой популярностью как в институте, так и в городе. Мы постоянно занимали первые места в проводимых смотрах-конкурсах. И как заслуженная награда за победы: мы выезжали на зимние каникулы один раз в Ленинград, второй раз – в Москву, где нас здорово встречали. Были организованы экскурсии по всем достопримечательным местам (музеи, парки и т.д.).

Целина

В 1956 году, когда по призыву Н.С.Хрущёва все студенты были

направлены на освоение целинных и залежных земель, мы тоже отправились. Нам достался район в пятидесяти километрах от города Бийска Алтайского края. Ехали мы туда долго, в вагонах-«теляниках».

Добрались через неделю. Встречали нас на железнодорожном вокзале с почётом. Играл духовой оркестр. После торжественной части нам разрешили провести некоторое время на речке Бия. Искупаться, помыться с дороги. Бия – это мощная, судорожная, холодная горная река, единственная, вытекающая из Телецкого озера. Дело было под вечер. Поход на Бию запомнился мне на всю жизнь. Я был горячим парнем, хорошо плавал. На спор с ребятами я решил переплыть реку туда и обратно. Только потом я понял, насколько погорячился. Этот заплыв едва не кончился для меня трагически. Бия подхватила меня, как щепку, и унесла за поворот с глаз ребят. Я остался один на один с рекой. Где-то на середине реки мне судорогой свело обе ноги. Я стал тонуть. Переболевший, вспомнил, что с судорогой можно бороться, массируя ноги. Я, перестав плыть, бороться с течением, стал усиленно растирать икры ног. И практически на руках, едва помогая ногами, больше полагаясь на течение, добрался до противоположного берега. Выполз из воды, от страха и холода весь дрожал. Меня отнесло течением от ребят километра на три вниз. Я лежал и думал, как же мне плыть назад. Но надо было торопиться, солнце садилось. Тогда я встал и побрёл вверх по песку, туда, где находились ребята. Дойдя до места, где они сидели на берегу и махали мне руками, я посидел немного, набрался сил и пошёл дальше вверх ещё километра на два. А потом, по течению, приплыл назад.

Работал я на сенокосе (благо был опыт работы с детства), на зернотоке, рыл силосные траншеи и даже трудился молотобойцем в кузнице, пока основной был в отпуске.

А когда началась уборка, меня поставили работать штурвальным на комбайне, где я проработал до конца нашего пребывания там.

В тот год был невиданный урожай пшеницы на Алтае (до 70 центнеров с гектара). Для окончания сельскохозяйственных работ занятия в институте были перенесены на месяц позже. Техники не хватало. Приходилось работать весь световой день. Работа была тяжёлой, практически без выходных. И, когда в свободное время ребята купались и загорали у речки, мне приходилось «пахать». Но это дало возможность мне заработать очень приличные деньги.

Вернувшись в Свердловск, я первым делом пошёл в центральный магазин «Пассаж» и одел себя с ног до головы. Начиная с трусов и кончая шляпой. Переодевшись, я стал похож на поэта Есенина. В чёрном пальто, с белым кашне, не хватало только тросточки. А всё, что было на мне, выбросил в урну. А когда появился в Пугачах Оренбургской области, где жили две сестры, то они были поражены моему виду.

Был ещё один очень неприятный случай. В один из выходных дней нам разрешили съездить в

Бийск и посмотреть кино. Шёл фильм «Кружка пива». Пешком до Бийска, как я уже говорил, добираться было далеко, поэтому, выйдя на Чуйский тракт, мы стали голосовать. Моряки Тихоокеанского флота, привлечённые для уборки, по этому тракту возили зерно в Бийск на элеватор. Одна машина остановилась. Она была доверху загружена зерном. И, хотя шофёрам категорически запрещалось провозить кого-либо в кузове, водитель великодушно разрешил нам сесть. И мы поехали. Хлеб везла целая колонна. Дорога шла на подъём. Неизвестно по какой причине, но морячок решил обогнать впереди идущую гружёную машину. Но случилось непредвиденное. Машина, с которой мы поравнялись, прижала нашу машину к кювету, и она начала переворачиваться.

Мы все оказались в кювете, засыпанные зерном. Машина заглохла и нависла над кюветом под углом примерно 60 градусов, раскачиваясь, как бы думая, упасть ей полностью или нет. Кювет был очень глубоким, и если бы машина перевернулась, то она бы всех нас придавила. Это был бы конец. Но она осталась висеть в таком неустойчивом положении. Это нас спасло. Только один товарищ, падая, сломал руку. Прибывшей на место происшествия Госавтоинспекции мы сказали, что сами запрыгнули в машину, и не выдали морячка, за что все моряки колонны были нам очень благодарны и навещали в больнице Бийска нашего товарища.

В институте я ещё увлекался туризмом. Ходили в весенне-зимние походы. В январе 1959 года я в составе группы из десяти человек бывалых туристов должен был идти в 10-дневный поход в горы Ханты-Мансийского национального округа. Однако я в последний момент отказался, так как это были последние каникулы в институте. Я не знал, куда меня распределят, и решил съездить на родину. Из дома я сразу уехал в Мончегорск – место моей преддипломной практики. Пробыл там до марта. Вернувшись в институт, я узнал, что ребята-туристы не вернулись из похода. Их продолжали искать, в том числе и комиссия из Москвы с участием вертолётчиков. В поход ушли девять человек.

Один вернулся, так как натёр ногу. В группе остались 8 человек, в том числе и семейная пара. Все – бывалые туристы, парни не робкого десятка. Тела туристов обнаружили только в середине марта, когда растаял снег на склонах гор. Как рассказывали участники поисковых групп, ребята, прорезав дыры в палатках, в панике бежали вниз по склону горы. Были они только в спортивных костюмах, остальные вещи: ружья, топоры, документы, деньги – остались в палатках нетронутыми. На все наши вопросы, что произошло с ребятами, никто не давал вразумительного ответа. И только много лет спустя я услышал, что в этом месте проводилось испытание какого-то секретного оружия.

Окончив институт с хорошими оценками (несмотря на разгрузку вагонов), я мог остаться на кафедре, получить направление на Челябинский электролитный завод или на другое родственное

предприятие союза. Но я выбрал медно-серный комбинат в городе Медногорске. Здесь была моя малая Родина, и рядом жили все мои родственники.

Медногорск, медно-серный комбинат

4 сентября 1959 года я с однокурсником Б.А.Резницким в шесть утра прибыл на поезде из Оренбурга в Медногорск. До начала рабочего дня решили осмотреть город. Вышли на площадь по Бульварной улице и увидели: направо – котлован, заросший бурьяном, как оказалось, под основание Дома культуры, а налево вырисовывалось красивое здание, похожее на театр. Подойдя к нему поближе, мы прочитали название «Баня».

Директором комбината был Александр Адольфович Бурба. К нему мы подошли в 9 часов. Он очень любил исследовательский отдел и предложил работать там. Я же сказал, что я производственник, при распределении не согласился остаться на кафедре, поэтому попросил направить в металлургический цех. Начальником металлургического цеха был Василий Иванович Садыков. Посмотрев на нас, он спросил: «Каким видом спорта занимаетесь?» Когда мы ответили, он сказал, что меня берёт, а Резницкого – нет. Тот убедительно просил и его взять. Тогда, рассердившись, Садыков сказал: «Не беру никого». Надо сказать, что в то время комбинат был очень хорошо укомплектован молодыми специалистами из институтов. Походив по другим цехам, где нас не нуждались, мы вынуждены были остановиться на брикетной фабрике. Так я стал мастером брикетной фабрики №1. Резницкий же, отработав несколько месяцев, уволился и уехал в Оренбург, откуда он был родом.

До недавнего времени у нас в стране не было вузов, выпускающих директоров. Да и можно ли научиться искусству управления на студенческой скамье? Поэтому хорошую жизненную школу я прошёл, работая на брикетной фабрике. Начальником фабрики тогда был Василий Васильевич Кугучев. Он и научил меня работе с людьми.

В 1961 году я женился на Зинаиде Александровне Тимченко, зубном враче. В 1962 году родилась дочь Марина, а в 1968 году – сын Валерий.

Однако семейная жизнь не сложилась, и, к сожалению, пришлось расстаться. Второй раз женился на Людмиле Григорьевне Носковой, начальнике общего отдела комбината.

В 1962 году меня назначили начальником участка брикетирования. На участке трудились около 450 женщин. Работа у них была тяжёлой. Каждая за смену укладывала до 25 тонн брикета. На участок шли либо бывшие заключённые, либо матери-одиночки. Сами понимаете, личности отчаянные. Их стычки мне регулярно приходилось разбирать и наказывать виновных. Часто приходилось исполнять обязанности заместителя начальника и начальника фабрики.

Всего я проработал на фабрике после студенческой скамьи семь с половиной лет. Труд мой был высоко оценён руководством комбината и правительством. Я был

Михаил Ефимович Хилько в первые годы работы директором МСК.

Фото из семейного архива.

награждён орденом Трудового Красного Знамени.

Затем я работал сначала заместителем начальника, а потом и начальником металлургического цеха. Исполнял обязанности начальника производственно-технического отдела.

Александр Адольфович был мудрым человеком, исподволь готовил меня на своё место. Он направлял меня в командировки на родственные предприятия цветной металлургии. В Красноуральск (горно-металлургический комбинат), Кировоград (медеплавильный завод), Ревду (Средне-Уральский металлургический завод), Пышму (медэлектролитный завод), требуя после возвращения из них письменного отчёта о каждом предприятии, начиная с технологии и заканчивая финансово-экономической деятельностью. При этом он говорил: «Тебе это пригодится в будущем». И он оказался прав.

В 1968 году директор направил меня вместо себя в Свердловск, в Институт повышения квалификации, хотя я был всего начальником цеха. Я только потом, став директором, понял, для чего он это делал.

В январе 1971 года Бурба вызвал меня к себе и сказал: «Езжай в Москву, будут проверять твою готовность работать директором. Времени это займёт с неделю. Никому ничего пока не говори». Я был крайне удивлён. В Москве во всех отделах и управлениях Министерства цветной металлургии тщательно проверяли мои знания и способности. В Центральном Комитете КПСС, в отделе тяжёлой промышленности, мне пришлось даже рисовать ватержетные печи и писать химические реакции, которые проходят в них. Много времени мне уделил лично Пётр Фадеевич Ломако, министр цветной металлургии СССР. А на следующий день, после беседы с министром, меня утверждала Коллегия Министерства. Когда я поднялся на трибуну, Ломако, читая в микрофон мои анкетные данные, сказал: «Хилько, украинец, родился в Оренбургской области, какой же ты украинец?» На что я ответил ему: «Я пишу украинец принципиально, потому что моя фамилия оканчивается на о». Ответ ему понравился, он засмеялся и сказал: «Есть предположение – утвердить».

(Окончание в следующем номере).